

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ «В ПОСТЕЛИ С ТИРАНОМ»
И «В ПОСТЕЛИ С ТИРАНОМ – 2. ОПАСНЫЕ СВЯЗИ»!

Диан Дюкре — французская писательница, журналистка, философ и историк, редактор документальных фильмов об истории Франции. Диан Дюкре мастерски вплетает исторические сведения и факты в канву увлекательного и динамичного сюжета, который захватывает и не отпускает. Ее книги становятся настоящей сенсацией.

Еврейская девушка Ева и немка Лиза не были знакомы, пока не стали узницами концлагеря Гюрс на территории Франции. Жестокость надсмотрщиков, нечеловеческие условия жизни — казалось, все это должно сломить дух заключенных. Но неунывающая Ева предлагает подругам создать кабаре и выступать в бараках. И вот в холодных, тусклых, пахнущих смертью стенах концлагеря звучит живая музыка, поют звонкие девичьи голоса, жизнь торжествует... Однако дыхание ужаса близко. Часть заключенных отправят в концлагерь Аушвиц, где их ждет смерть. Лиза оказывается в списке... Прощаясь с Евой, она оставляет верной подруге самое ценное, что у нее есть, — своего младенца. Он должен выжить, чтобы помнить, за что погибли его родители и миллионы других людей.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4467-2

9 786171 244672

ДИАН ДЮКРЕ

ЗАБЫТЫЕ

ДИАН ДЮКРЕ

ЗАБЫТЫЕ

Они прошли через ад...

ДИАН ДЮКРЕ

DIANE DUCRET

LES
INDESIRABLES

ROMAN

ДИАН ДЮКРЕ

ЗАБЫТЫЕ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.133.1
Д95

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Ducret D. Les Indesirables : Roman / Diane Ducret. —
Paris : Flammarion, 2017. — 320 p.

Перевод с французского *Марии Абрамовой*

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

ISBN 978-617-12-4467-2
ISBN 978-2-0814-0734-3 (фр.)

- © Editions Flammarion, Paris, 2017
- © Trevillion Images / Daniel Murtagh, обложка, 2017
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Что уж если, как-никак,
Дело обошлось без свиста,
Мы исправим все, и чисто;
А не то — лгунишка я.
Доброй ночи вам, друзья.

У. Шекспир
*Сон в летнюю ночь*¹

¹ Перевод М. Лозинского. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Приказ

Граждане Германии, Данцига, саарцы, а также иностранцы неопределенного происхождения, но с немецкими корнями, проживающие в департаменте Сена, должны выполнить следующее:

1. Мужчины в возрасте от 17 до 55 лет обязаны явиться на стадион Буффало в Монруже¹.
2. Женщины незамужние и замужние, но не имеющие детей, 15 мая 1940 года должны прибыть на Зимний велодром.

Лица, не выполнившие приказ, будут задержаны и арестованы.

Иностранцы, на которых распространяется приказ, должны за свой счет (по железной дороге или с помощью любого другого транспортного средства) добраться до указанных пунктов сбора.

Нужно взять с собой продовольствие и все необходимое на два дня — не более 30 кг багажа на человека, включая продукты питания.

12 мая 1940 года

Генерал Эрен
Военный губернатор Парижа

¹ Южный пригород Парижа.

Часть I

В Париже только-только наступил май. Платья женщин, сидящих на террасах в кафе, ловят каждый лучик солнца, падающий на них, каждый взгляд. Посетительницы сердятся на медлительного официанта, нервно поправляют выбившуюся прядь волос, когда гарсон наконец подходит, обмениваются банальными фразами, узнают друг у друга последние новости, прежде чем пропасть в чреве метрополитена. Весной Париж всегда одинаков, и это прекрасно. Солнце обладает чудесной способностью — оно заставляет мужчин забыть о зимних холодах, а вид распускающейся почки и оголенной ножки развеивает их печаль. Но в середине весны 1940 года разыгралась небывалая буря.

Уже с десяток лет в Европе чувствовались подземные волнения, и вот ужасное землетрясение внезапно разверзло почву. В недрах созрело что-то ужасное. В сентябре 1939 года появились первые толчки. Германия топчет Польшу. Через двое суток Франция вместе со своей соседкой Англией объявляет Гитлеру войну. Мир был создан в течение семи дней, а для того, чтобы принять решение его уничтожить, понадобилось гораздо меньше времени. У берегов Европы зарождается цунами.

Повсюду только и разговоров, что о войне. Некоторые считают, что она необходима для того, чтобы искоренить жестокость целого поколения, а то и двух. Другие с жаром доказывают обратное. Ах, ненавистная война, жалкое тщеславие тех, кто хочет ее развязать! Мы давим врага (затем появляется десять новых), превращаем города в руины, истребляем села, и все это во имя победы, которая в итоге не достается никому. Страсти разгораются, все друг друга ненавидят, и заканчивается тем, что

на террасах кафе французы ведут войну между собой, потому что враг все никак ее не начинает. Так начинался май 1940 года.

Враг, похоже, все не решается напасть на Францию; выходит, о войне думали зря. Вот уже восемь месяцев ничего не происходит, и в конце концов над войной начинают смеяться. И с возвращением весны запах крови и мысли о смерти исчезают, оставаясь разве что в памяти никому не нужных и постоянно брюзжащих инвалидов войны. Юбки парижанок продолжают шуршать над тротуарами. С Парижем ничего не может случиться, потому что Город Света никогда не погаснет.

Десятого мая в пять тридцать пять утра войска Гитлера, словно мощный восточный ветер, обрушиваются на Нидерланды, молнией проходят Бельгию и вторгаются на территорию Франции, в Седан. Французская армия уступает натиску Вермахта. Люфтваффе¹, эти хозяева неба, обстреливают дороги, бомбят коммуникации, заставляя тысячи беженцев пешком или на велосипедах перемещаться на юг, подальше от войны. Рейх в этом буйном цветении не терпит чужих цветов, только свои, поэтому повсюду валяется столько оборванных распускающихся почек. Он продвигается к Парижу семимильными шагами. Германия во всеоружии, Франция в слезах.

Теперь уже не до смеха. Все иностранцы немецкого происхождения, лица без гражданства из далеких стран, связанных с рейхом, должны незамедлительно явиться в указанные пункты сбора. Таковы меры, предпринятые французским правительством против «пятой колонны», составляющей внутреннюю угрозу для страны. Зерна следует отделить от плевел. Охота на «нежелательных» женщин: иностранок, незамужних, бездетных — началась.

Тем не менее незадолго до этого Франция протянула руку помощи несчастным, которые пытались избежать страшной участи. По причине происхождения или же из-за своих убеждений тысячи немцев, враждебно настроенных по отношению к гитлеровскому режиму, а также множество евреев из Польши

¹ Военно-воздушные силы Германии в период Третьего рейха.

и Бельгии были причислены к политическим оппозиционерам. Каждый месяц во Франции их становилось все больше; они не знали, куда идти. В спешке их селили в дешевые гостиницы и заброшенные казармы. Общество бросало в дрожь оттого, что эти иностранцы становились их соседями. Сколько из них при случае укусят руку, подающую им еду? Но французы все же мирились с их присутствием, чтобы не уподобляться нелюдям, на которых сами показывали пальцем.

Однако когда Гитлер внезапно приступает к блиц-кригу, беженцы становятся лишними.

Полицейские допрашивают прохожих, проверяют у них документы: зачистка, которая, как принято считать, необходима для безопасности Франции. «Нежелательные» женщины должны до семнадцати ноль-ноль явиться на Зимний велодром, а тех, кто не придет, обязательно разыщут. Есть среди них те, кто, повинувшись судьбе, набивает старые кожаные чемоданы, уже побывавшие на вокзалах Вены, Праги и Берлина, вещами, которые так дороги сердцу. Это вилки, ложки, кружки, платье с последнего летнего бала, ожерелье, доставшееся от бабушки, зеркало, письмо, карандаш и даже чулки.

Уму непостижимо, как такая прекрасная пора, когда распускаются цветы, может таить в себе столько страданий.

1

«Немцы, не покупайте в универмагах и у евреев!»

Лизе нельзя входить: она стоит у двери небольшого ателье по пошиву одежды *Nikolaiviertel*¹ и читает текст объявления, выведенный черной кистью на белом листе бумаги. Двое эсэсовцев в черной форме выгоняют клиентов и больше никому не дают заходить. Стоя в витрине, Фрида, мать Лизы, знаками показывает ей, что все хорошо. Лиза снова смотрит

¹ Nikolaiviertel — квартал в Берлине, в котором находится церковь святого Николая.

на вывеску: слово «евреев» подчеркнуто жирной линией. У нее, как это часто бывает у молодых людей двадцати лет, просыпается желание протестовать, усиленное ощущением несправедливости.

— Ничего страшного, мы откроемся завтра! — кричит Фрида в спину солдатам, изображая на лице улыбку, а Лиза тем временем уходит.

Направляясь домой, в небольшую квартирку в Николаифиртель, Лиза оказывается в огромной толпе. В этот день, 1 апреля 1933 года, сто пятьдесят тысяч человек маршируют по улицам Берлина; вскоре к ним присоединяется почти такое же количество молодых людей из гитлерюгенда. Мальчишки в коротких штанишках гордо несут ножи, на лезвии которых выгравированы слова «кровь и честь», а на рукоятках — эмблема партии. Отец Лизы погиб под немецким знаменем во время последней войны, а теперь ей приходится видеть это! Толпа распаляется и скандирует националистические лозунги. Лиза съеживается, как животное, застигнутое хищником врасплох, затем отделяется от толпы. Где-то в глубинах ее естества рождается уверенность: нужно уезжать отсюда, с этой земли, разверзавшейся у них под ногами.

На следующее утро под окнами их дома уже тихо, на тротуаре валяются вчерашние листовки, приглушающие шаги. Лиза находит мать на кухне: та, как всегда, молча сидит за чашкой кофе. Кажется, что Фрида совсем не волнуется. Все ее движения неторопливы: это движения женщины, которая смирилась со своей участью.

— Мы не можем жить в постоянном страхе! — бросает Лиза, сообщая матери о своем намерении перебраться в свободный мир, в Париж, пусть даже для этого придется пересечь Европу.

Мгновение — и решение принято: сесть в первый же поезд, оставить позади все, даже могилу того, кого она называла папой, даже его имя.

После скитаний по Венгрии, Чехословакии и Италии Лиза и ее мать обосновываются на правом берегу Сены, сняв чер-

дачное помещение близ Бют-Шомон¹. Наконец-то они могут вздохнуть свободно: их грудь не сжимает боязнь, что их вышвырнут! Фрида быстро находит работу у одной обеспеченной дамочки, которой необходимо срочно обновить свой гардероб. Из-за всех этих тревог, вызванных войной, дама раздалась вширь. Нет-нет, она не поправилась, как она говорит, это аэрофагия². Бархатное платье темно-синего цвета, богато отделанное, вот-вот разойдется по швам, поэтому дама отдает его портнихе в благодарность за ее молчание. Оно уже немного вышло из моды, с такой длинной юбкой, приталенной блузкой и воротничком, доходящим до середины шеи. Вещь, изготовленную в Париже, нельзя выбрасывать, поэтому Фрида перешивает его для Лизы.

Что делать с нарядным платьем, если ты всего-навсего беженка? Конечно же, представлять, будто ты студентка и вдыхаешь вольный дух Сорбонны.

Лиза приподнимает длинную юбку, чтобы преодолеть шесть ступенек, которые отделяют двор от продолговатой площадки, спускающейся подобно ковровой дорожке к часовне с двумя статуями: Виктора Гюго и Луи Пастера — величественными символами ушедшего века. Студенты снуют туда-сюда с сосредоточенным видом, и Лиза наблюдает за ними, чувствуя себя так, будто находится за стеклом. Она могла бы стать одной из них, если бы говорила по-французски! У женщин короткие вьющиеся волосы под шляпой в форме колокольчика. Они подводят глаза карандашом, наносят на ресницы густой слой туши и хлопают ими, как бабочки крыльями. Их губы накрашены помадой! Женщины кутают в меха свои стройные фигуры и кажутся еще стройнее благодаря юбкам, оголяющим лодыжки. На ногах у них черные или белые туфли на каблуках, с застежками сверху. Все это так непохоже на Берлин! Застенчивой Лизе трудно привыкнуть ко всему этому. Она еще не знает, что такое мужская ласка. Эти женщины кажутся ей

¹ Парк на северо-востоке Парижа.

² Излишнее скопление воздуха в желудке и кишечнике.

подделками, но подделками весьма искусными. Они танцуют, разговаривают, в их пальцах мелькает сигарета, они водят машины, занимаются любовью. Лизе хочется покорить целый мир, главное не рассказывать об этом маме.

Увы! У бравой Фриды, сломленной переездом и перспективой новой войны, которая все время давит на нее, случаются приступы дрожания правой руки. А им нужно трудиться, иначе они могут остаться без жилья, без мебели. Франция принимает иностранцев, но не дает им разрешения на работу.

Как-то раз, прогуливаясь перед кафе и пытаясь выучить французский, разбирая написанное в меню, Лиза натывается на объявление «требуется девушки», наклеенное на фасаде одного из зданий квартала Ле-Аль. Вывеска «Свиное копыто» вызывает у девушки желание бежать со всех ног, но за неимением лучшего приходится довольствоваться тем, что есть. Изгнание заставило Лизу быстро повзрослеть. У нее нет специальности. В конце концов, быть официанткой не так уж и плохо.

Лиза вошла в кабинет с тяжелыми бордовыми занавесками и столами из красного дерева. Ей пришлось подождать хозяина.

— Раздевайся, — бросает мужчина с толстыми щеками, усевшись в кресло и даже не представившись.

Лиза не уверена, правильно ли его поняла, ее французский еще не на должном уровне.

— Давай снимай пальто. Вот так. Теперь приподними юбку! Я хочу увидеть твои ноги. Полностью! А побыстрее нельзя?

На щеках мужчины видны красные сосуды, расширившиеся от вина и напряжения. Сомнений быть не может! Да это и есть та самая свинья! Ох уж эти французы со своими странными нравами! Она ошиблась: мужчина ищет *girls*¹ для журнала, и ему абсолютно плевать на то, умеет ли она носить поднос...

В голове у Лизы шумит, на сердце пусто; она решает искать пристанище в Сакре-Кёр². С высоты холма она любитесь кры-

¹ Девочки (англ.).

² Католический храм, расположенный на холме Монмартр.

шами столицы, утопающими в розоватых сумерках. Маленькие, большие, богатые, полуразвалившиеся, но отовсюду поднимается одинаковый дымок. Ближе к ночи, уже спускаясь с Монматра, Лиза представляет, как прогуливается под уличными фонарями под руку с каким-нибудь французом. Он бы выпускал изо рта клубы сигаретного дыма. Они пошли бы в ресторан. Лиза составляет меню: филе «Россини» с пюре из сельдерея или даже... улитки, устрицы — все то, что она никогда не мечтала попробовать. Ничего вареного, только фаршированное или жареное. А на десерт — что-нибудь со сливочным кремом и фруктами. Это было бы очень вкусно...

Скандал, который она устроила перед «Свиным копытом», ругая хозяйина на плохом французском с немецким акцентом, перемежая ругань бранными словами на идише, вызвал к ней сочувствие со стороны владельца расположенного неподалеку кафе, который всеми возможными способами пытался конкурировать с соседом. Итак, мать с дочерью смогли поселиться в дешевой квартирке в Шатне-Малабри, в нескольких десятках километров от Парижа. Значит, Сорбонна останется привилегией более умных женщин, которым Лиза теперь подает вино и шоколад. Она так хорошо ругается по-французски, что все уже почти забыли о ее немецком происхождении.

Но вот в мае 1940 года ей велено явиться на Зимний велодром.

Что же будет с Фридой? Лиза отдала ей все свои сбережения, двести франков, но надолго ли этого хватит?

Прощание было торопливым. Лиза еще раз поцеловала закутанную в темно-синюю шаль мать и подняла глаза на окна их двухкомнатной квартиры. На бельевой веревке — летнее платье, на открытом окне — клетчатые занавески. Резкий запах тимьяна... Это их дом. Старая Фрида проводит рукой по темным волосам своей единственной дочери. Они густые, свободно падают на плечи; пробор, строго посередине, подчеркивает симметрию ее лица с полупрозрачной кожей. Глядя по волосам ту, которая еще совсем недавно была ее маленькой птичкой,

Фрида переводит взгляд с ее голубых глаз, таких чистых, что, казалось, в них отражается сама душа, на густые брови. Выражение лица Лизы порождает чувство гармонии, почти не нарушенной положением изгнанницы. Мать и дочь обнимаются дольше, чем обычно. Непонятно, кто из них кого утешает; ни та, ни другая не готовы разомкнуть объятия первой.

— Если тебе хочется есть — пой; если тебе плохо — смейся. Наслаждайся, пока живешь, — шепчет Фрида на ухо дочери.

Водитель давит на педаль акселератора, чтобы продемонстрировать свое раздражение; Лиза молча садится в автобус. Через стекло она смотрит на мать, изучает географию ее лица, на котором прослеживаются следы радости и боли: желанного и пережитого; ручей слез в долине ее глаз. Фрида кажется такой маленькой: одна на дороге, затерянная среди зданий из красного кирпича и цветущих деревьев; у нее никогда не было возраста, ведь она мама.

Из окон автобуса, увозящего ее далеко от дома, Лиза смотрит на бегущих по улице женщин: они крепко держат детей за руку, спеша поскорее добраться до укрытия, найти машину, убежать, уехать как можно дальше. Она не может понять, почему матери не должны ехать на Зимний велодром; не может понять, кому могла прийти в голову столь жестокая идея о разделении женщин на группы. Лиза прижимает к сердцу небольшой чемоданчик из коричневой кожи, с которым проделала длинный путь, начавшийся в Берлине. У нее не было денег, чтобы купить себе новый; да и, по правде говоря, она не думала, что он может ей понадобиться.

* * *

— Алло, алло? Лебрен!¹
Какие новости в тылу?
На фронте две недели бьюсь,

¹ Альбер Лебрен (1871—1950) — французский политик, последний президент Франции в период Третьей республики (1932—1940).

Вам я звоню, спросить хочу:
Что будет, когда я вернусь?

— Все хорошо, мой маршал, господин,
Все очень, очень хорошо.
Вот только ерунда, пустяк один,
Действительно — почти ничто.
Об этой мелочи все знают,
На танках немцы наступают,
А так как мы все на конях,
Заканчиваем у врачей в гостях.
А в остальном, мой маршал, господин,
Все хорошо, все очень хорошо.

— Алло, алло? Де Голль!
Что нового? Недавно я узнал,
Что наши люди мрут в больницах!
Мне объясните вы, вернейший генерал,
Почему так произошло?

— Все хорошо, мой маршал, господин,
Все очень, очень хорошо.
Вот только ерунда, пустяк один,
Действительно — почти ничего:
Они все погибли,
Немецкие танки тела их расшибли,
Разрушили наши деревни.
В Курьере, в Па-де-Кале¹,
Человек пятьдесят горели в огне,
Теперь вся деревня во мгле.
Не волнуйтесь: хоть все и полегли,
Осталась пекарня, ее отстоять мы смогли.
А в остальном, мой маршал, господин,
Все хорошо, все очень хорошо.

— Алло, алло? Блюм!²
Какие новости? Пронесся слух невероятный,

¹ Департамент на северо-востоке Франции.

² Леон Блюм (1872—1950) — лидер и теоретик Французской социалистической партии.

Что наши города смелó.
Объясните же мне,
Мой министр примерный,
Как это все произошло?

— Все хорошо, мой маршал, господин,
Все очень, очень хорошо.
Вот только ерунда, пустяк один,
Действительно — почти ничего:
То, что они сожгли Па-де-Кале,
А в Обиньи¹ свалили сенегальскую пехоту,
Значит то, что они уже по дороге на Марну²
И скоро придут в Канталь.
А в остальном, мой маршал, господин,
Все хорошо, все очень хорошо.

— Алло, алло? Ориоль!³
Какие новости у вас?
Родную Францию смело!
Объясните мне,
Спрошу я вас еще раз,
Как это все произошло?

— Увы и ах! Господин маршал, дело было так:
Узнав, что Гитлер на Польшу решил нападать,
Англичане и французы хотели ему помешать.
В ответ он решил войну развязать.
Их танки потому
Ручьи наши переплывут,
Замки сожгут,
Скоро дойдут до самой Мажино⁴.
Во Франции черным-черно.
А в остальном, мой маршал, господин,
Все хорошо, все очень хорошо.

¹ Коммуна в регионе Овернь.

² Река на севере Франции, правый приток Сены.

³ Венсан Ориоль (1884—1966) — французский государственный деятель, первый президент Франции после Второй мировой войны.

⁴ Система французских укреплений на границе с Германией, построенная в 1929—1934 гг.

Колокола Нотр-Дама бьют полдень; пара сонных голубей срывается с места и перелетает на менее шумные часы Лионского вокзала. Ева закрывает оконные ставни в своей маленькой двухкомнатной квартире, расположенной на верхнем этаже трехэтажного фахверкового дома по улице Домениль. День 15 мая 1940 года выдался погожим: на небе ни облачка, которому можно было бы приписать ее внутреннее уныние. Но Ева сейчас не в том настроении, чтобы позволить голубому небу ввести ее в заблуждение. Вот уже несколько недель на парижских улицах вздрагивают, услышав немецкий акцент. Старые знакомые переходят на другую сторону тротуара, чтобы не пришлось здороваться, соседи ускоряют шаги на лестнице. Жителям Парижа были выданы противогазы, в каждом доме проверили состояние подвалов: выяснили, пригодны ли они для того, чтобы служить бомбоубежищами. Подвалы домов, расположенных недалеко от Сены, часто слишком маленькие либо же находятся в аварийном состоянии, поэтому необходимо выяснить, сколько человек сможет в них укрыться в случае опасности. Во время воздушной тревоги Ева слышит шепот испуганных соседей, сбившихся в стайку в маленьком подвале. «В этом есть и ваша вина!» — вот что читает она в каждом взгляде.

Ей хочется забыть. Забыть что? Да все, начиная с самой себя. Только музыка еще способна дарить ей забытье. В сумерках гостиной рояль кажется больше, чем обычно: судно, затерянное в темном море. Ева садится за инструмент. Какое-то время она остается неподвижной, ее тонкие пальцы как будто чего-то выжидают, не решаясь коснуться клавиш; она не знает, что играть. Но вот раздаются первые звуки. Несколькими аккордами соната Бетховена заполняет ее душу. От пианино веет приятным спасительным ветерком. Ева прогуливается вдоль берега, лунная соната звучит под полуденным солнцем. Мюнхенской пианистке всего тридцать лет... За семь лет жизни во Франции, где все навевает воспоминания, ее когда-то веселый

нрав стал меланхоличным. Звуки сонаты переносят Еву в Байройт¹, в тот день, 15 августа 1933 года.

Винифред Вагнер² пригласила Еву, известную пианистку, родившуюся в Мюнхене, на ежегодный фестиваль музыки³. Какое счастье присутствовать на концертах, которые устраивают знаменитейшие мировые исполнители, собравшиеся здесь! По дороге к дворцу, где проходит фестиваль, Ева смешалась с огромной толпой. Люди стекались отовсюду. Некоторые уже давно были на месте, чтобы первыми поприветствовать великого человека, которого все ждали, — герра Гитлера. Как только он появился на балконе второго этажа, оркестр стал наигрывать мелодию из «Золота Рейна»⁴ и толпа встретила дорогого гостя громкими овациями. Ева почувствовала себя неловко: горячность была ей несвойственна.

Сидя в зале, она рассматривала публику. Все глаза были устремлены на ложу фюрера. Женщины гордо выпячивали грудь, мужчины пытались подражать его манерам. Среди представителей высшей буржуазии он слыл очаровательным; с ним не хотели расставаться. Когда концерт был окончен, Гитлер направился к выходу из зала и толпа расступилась перед ним, словно море; видные баварцы мечтали пожать ему руку. Ева оказалась как раз у него на пути. Фюрер был не выше ее, и, когда вплотную подошел к ней, Ева увидела его голубые, невероятно блестящие глаза. Он взял руку, которую она машинально приподняла, и коснулся ее губами. Еву пробрала странная дрожь... Несколько дней спустя она уехала в Париж, взяв с собой только партитуры. Поездка была долгой; лето все никак не наступало.

Ее пальцы продолжали играть, и звуки музыки перенесли Еву в тот день, когда она почувствовала себя такой одинокой в этом чужом городе. В Булонском лесу, возле Большого каска-

¹ Город в Баварии.

² Винифред Вагнер (1897—1980) — немецкая писательница и композитор, невестка Рихарда Вагнера.

³ Речь идет о Байройтском ежегодном музыкальном фестивале, на котором исполняются произведения Рихарда Вагнера.

⁴ Опера Вагнера.

да, где она любила прогуливаться, однажды вечером Ева повстречала молодого человека в белых перчатках. Он предложил ей посмотреть вместе с ним на звезды. Они легли на шерстяной плед. Молодой человек показывал на созвездия тростью — ее он позаимствовал у мужчины, у которого служил водителем. Широко открыв глаза, Ева рассматривала небесный свод, который в тот вечер казался ей особенно открытым.

Время текло медленно, луна поднималась все выше, и Ева была полностью поглощена созерцанием небесных светил. Держаться за руки и смотреть на звезды — это казалось ей наивысшим наслаждением. Но ее новый знакомый начал проявлять нетерпение, ведь его хозяин скоро должен был вернуться из театра, каждая минута на счету. Его раздражала наивность этой немки с золотистыми волосами, тупо уставившейся в небо. Наконец, оставив ее, он сел в бордовый *Citroën Rosalie* и громко хлопнул дверцей, выразив свое негодование. Париж стоит любовных неудач.

В тот же вечер Ева направилась на Монпарнас, в кафе «Купол», где иногда подрабатывала по вечерам, играя на рояле, чтобы иметь возможность оплачивать жилье. Ее грусть развеялась, когда она встретила Луи. Это был крепкий, хорошо сложенный мужчина: Ева таких видела нечасто. У него были по-немецки широкие плечи и смуглая кожа, как у француза. В Луи было что-то такое, что не поддается описанию, какая-то особая грация, шарм; волосы, зачесанные назад, низкие брови, квадратный подбородок. Они с Евой выпили, потом потанцевали. Их тела почувствовали взаимное притяжение и наконец нашли общий ритм. Когда заиграла романтическая мелодия, они прижались друг к другу, Луи обнял ее за талию сильной рукой. Они медленно скользили по паркету. Мужчина и женщина стали отражением друг друга. Затем Луи заговорил, и его глубокий голос заставил Еву на мгновение забыть об остальных.

По профессии Луи — столяр-краснодеревщик; он был коммунистом. Родился он в 1900 году возле Рубе¹; был членом

¹ Город во Франции.

небольшой организации рабочих-иммигрантов, смыслом жизни которых стало сопротивление гитлеризму. Луи раздавал листовки, организовывал встречи, обеспечивал беженцев работой. То ли из любви к нему, то ли из-за собственных убеждений Ева тоже вступила в эту организацию. Первого мая 1940 года Луи попросил ее руки, подарив вместо обручального кольца букет ландышей. Один из его информаторов, близкий к армии, предупредил Луи о том, что нападение Германии неизбежно. Седьмого мая возлюбленный Евы записался в ряды Сопротивления в Люксембурге. Увы, на следующий день страна была оккупирована вермахтом, который утопил попытку мятежа в крови...

Музыка все льется из-под пальцев, порхающих по послушным клавишам. Твердость, торжественность, нежность — все это вновь переполняет душу Евы. Она видит Луи сидящим в кресле, с закрытыми глазами: он кивает головой в такт каждому звуку, его душа тянется к ней. Слезы текут по ее щекам, пальцы больше не слушаются: воспоминания причиняют Еве боль.

Париж,
15 мая 1940 года

Дорогой Луи,

поскольку я не знаю, куда тебе писать, то пишу себе в надежде, что когда-нибудь ты это прочтешь. Это необходимо мне для того, чтобы почувствовать связь с тобой, чтобы заполнить пустоту, которую ты оставил в моем сердце, уехав неделю назад. Почти пять лет я прожила в Париже до встречи с тобой, но не уверена, что смогу оставаться здесь после нашего расставания. Глядя, как твой поезд отходит от Восточного вокзала, я чувствовала себя так, будто ты увозил с собой частичку моей души. Я была женщиной, потому что ты был моим мужчиной. Часы, следовавшие за этим, были для меня трудными, очень трудными... Я по-прежнему живу в нашей квартире среди предметов, которые покинула жизнь. Мысль о том, что

я больше никогда тебя не увижу, ничего не буду знать о твоей жизни, о том, как проходят твои дни, ужасно меня угнетает. Мое тело налилось такой тяжестью, что мне трудно двигаться и я почти не выхожу на улицу. Иногда мне в голову приходят безумные предположения. Может быть, тебя арестовали и ты сейчас в одном из тех лагерей, о которых когда-то мне рассказывал? Может быть, тебя убили? Но я бы почувствовала это, не так ли? Как это странно, мой дорогой Луи: тебя нет рядом, но ты повсюду со мной. Я успокаиваю себя, говоря, что ничто не сможет нас разлучить, пока я полна тобой. Ты ведь скоро вернешься, правда? Мне сказали, что я должна явиться на Зимний велодром для какой-то регистрации, но я не пойду туда. Останусь здесь и буду ждать тебя. Кроме тебя, я никого не хочу видеть. Без тебя мир пуст.

Твоя Ева

На лестнице слышны шаги. Сердце Евы стучит все быстрее, по мере того как шаги приближаются; оно бешено бьется. Нужно спастись, но она не двигается с места. В чем она провинилась? Она всего лишь немка, которая сбежала от диктатора. Если бы Луи на ней женился, она стала бы гражданкой Франции и ей не нужно было бы идти на Зимний велодром. Шаги замирают. Чья-то рука нервно стучит в дверь, трижды, как в театре. Ева продолжает играть, чтобы не слышать голосов, которые приказывают открыть.

Квартирная хозяйка торопится впустить двух представителей французской полиции, и они врываются в квартиру. Ева делает паузу, затем играет «Бурю»¹, еще упорнее, даже в ее пальцах ощущается решимость во что бы то ни стало сохранить чувство собственного достоинства. Полицейские приказывают ей следовать за ними, дают несколько минут на то, чтобы собрать вещи. Ева никак не реагирует на их слова. Насмешливое молчание, сопровождаемое музыкой, которую

¹ Вступление к опере Вагнера «Валькирия».

он не понимает, выводит младшего полицейского из себя. Поглаживая пистолет, он повторяет приказ. Чтобы произвести впечатление на Еву, полицейский делает ударение на слове «бошка»¹. Женщина устремляет на них большие черные глаза. Молодой человек стреляет в зеркало над камином, и Ева смотрит туда, не двигаясь. Три фигуры, отражавшиеся в зеркале, казалось, взрываются, квартира изуродована мириадами маленьких осколков... Чтобы скрыть замешательство, молодой полицейский, оглушенный выстрелом, начинает открывать ящики комода, стоящего у кровати. Наконец-то у него есть виновная, которой можно отомстить за позор, пережитый его родиной, за унижительное поражение, грозящее им, за обиду и трусость. Ева в спешке собирает вещи, хватая тетрадь, вырывает из нее двойной лист, складывает его пополам: один, два, три раза, затем прячет под блузку. Полицейские выводят ее из квартиры.

Они доходят до узкой лестницы. Старший полицейский почтительно объясняет Еве, что волноваться не стоит, это необходимо для ее же безопасности. Женщины из Германии в Париже больше не могут чувствовать себя в безопасности: народная месть поджидает их на каждом углу, выискивает, чем бы поживиться. Перед грузовиком, в котором уже стоят четыре женщины, Ева замедляет шаг. Молодой полицейский подталкивает ее дулом пистолета. Ее чулок рвется, зацепившись за кузов; заколки падают на асфальт... Ева, растрепанная, в порванном чулке, смотрит из окна грузовика на мрачную дорогу и видит Париж, лишенный половины своих жителей.

* * *

Как-то утром в мою дверь
Постучали французы.
Квартира та была на Сен-Мартен,
Я помню, как теперь.
— Полиция, откройте! Вас ждет прекрасная дорога!

¹ Презрительное название немков во Франции.

— Спасибо, господа, но я уже не молода,
Мне пятьдесят, болит колено,
Зубов осталось двадцать пять!
— А ну встать, шлюха, собирайся, и потише!
Сопrotивление не ждет, оно все ближе.

— Что происходит? Что будет теперь?
— Мадам, вы взяты под арест!
Это наш новый фирменный жест.
Теперь у вас много потерь.

Под шум свистков — умерь протест,
Плевки и шулки — вот твой крест.
И меня били, ох как били!
В автобус спешно погрузили.

Но я не виновата, меня всего лишили!
— Теперь вы беженка, — они мне говорили, —
А немцы — наши лютые враги.
— Но почему мне не остаться в собственной квартире?

— Потому что ты беженка,
Да, ты просто беженка,
И такие сволочи, как ты,
Французов сильно допекли!

Все эти сволочи-мигранты
Нам надоели — просто жуть!
Есть один способ вас турнуть:
Мадам, вы взяты под арест!

3

Полицейская машина на большой скорости проехала мимо Сены, проскочила вдоль набережной, промчалась мимо Эйфелевой башни, да так близко, что Еве показалось, будто она покачивается на своих гигантских ногах. Они остановились в сотне метров от башни, на углу бульвара Гренель и улицы Нелатон, в XV округе Парижа. Еву выталкивают из машины;

она неловко пытается привести в порядок свою помятую одежду.

Ева оказывается среди сотен тысяч женщин, выстроившихся в очередь, и в отчаянии опускает руки, понимая, что нет смысла прихорашиваться в этом море растрепанных дам. Еще никогда она не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас. Толпа толкает ее, сбивает с ног; запахи заставляют Еву отворачиваться и вызывают тошноту. В голове гудит пчелиный рой. Однако что может быть более трогательным, чем блестящие от волнения и непонимания пять тысяч пар глаз, устремленных в одном направлении?

Зимний велодром гордо выпячивает свой металлический каркас, словно судно, потерпевшее крушение. Он мог бы вместить семнадцать тысяч человек. Стадион возвышается, поблескивая болтами на послеполуденном солнце: они остались еще со времен Всемирной выставки¹ и являются прямыми наследниками ее девиза: индустриализация — прогресс человечества. Народ торопился, чтобы не пропустить велогонки; соревнования обычно открывали королевы шансона: Воробышек Пиаф или Иветт Орнер². Но сейчас здание окружено зенитными пушками. Женщины топчутся в нескончаемой очереди, их каблуки поднимают пыль, словно копыта табуна лошадей. Ева медлит; она оборачивается и поднимает глаза. Сена искрится на солнце, его лучи отражаются в цинковых крышах. Чайки весело перекрикиваются, пролетая под шестью чугунными арками моста Гренель. Еву толкают, чтобы она двигалась вперед.

Париж исчезает.

Когда Ева была маленькой и жила в Мюнхене, она любила смотреть, как солдаты в идеально выглаженной форме, коротко подстриженные, с безупречной осанкой, уверенно вышагивают у них под окнами; казалось, что даже от их кожаных ботинок веет храбростью и гордостью. Тогда Ева думала:

¹ Имеется в виду выставка, проходившая в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. (*Примеч. ред.*)

² Иветт Орнер (р. 1922) — известная французская аккордеонистка.

«Война — это красиво!». Но внезапно, когда она очутилась в этом диком женском стаде, война предстала перед ней в ином свете. Ева поняла: война — это болезнь.

Некоторых женщин схватили на улице — они были в вечерних платьях; других подняли с постели. Кое-кто держит в руках корзинки с провизией. Ева ищет глазами кого-нибудь, с кем можно было бы поделиться своим недоумением, но все отводят глаза, нетерпеливо выслеживая на лицах полицейских взгляд или улыбку, которые могли бы их успокоить. Вооруженные стражи порядка преследуют тех, кого газеты отныне называют «нежелательными женщинами» — женщинами, которые не нужны обществу, которые должны быть вне поля зрения приличных граждан, вне закона, которые должны уехать, исчезнуть; это паразиты, и люди хотят забыть о том, что когда-то их любили.

Чемодан Лизы, затерявшийся среди цветастых летних платьев, толкают со всех сторон. Женщины орудуют локтями, чтобы быстрее войти в помещение. «Зачем же торопиться в тюрьму?» — спрашивает себя Лиза, с подозрением поглядывая на эту наивную спешку. Двое охранников у двери выполняют первый этап проверки, с тем чтобы потом можно было приступить к регистрации личности. Слышатся покорные ответы, но есть и те, кто отказывается смириться с неизбежным, тычет в нос полицейскому медицинскую справку, свидетельствующую о больной печени или почке; есть среди собравшихся и такие, кто угрожает своими связями наверху. Женщины успокаивают себя как могут, говорят сами с собой. «Комиссар пообещал, что после войны меня сразу же освободят», — хвастается одна. «Я уверена, что беременна, — признается другая. — Это должны принять во внимание. Меня отпустят».

Перед Лизой остается уже не более десятка женщин. Она думает о том, что могло бы помешать ей войти в это змеиное гнездо. Никто не знает, что их ждет. Увы! Она не может найти ни одной причины, которая препятствовала бы ее аресту, и крепко сжимает ручку чемодана, как будто ища у него поддержки.

В чемодане лежат завернутые в простыню предметы первой необходимости: зубная щетка, миска с ложкой, одежда.

Голоса церберов звучат все громче и громче. Часы бьют пять вечера. Погода угрожающе портится. На терпеливую толпу, постоянно пополняющуюся новыми женщинами, обрушивается ливень. Две тысячи слабеньких птичек с промокшими крылышками. «Здесь ошибка, я не немка! Я родилась в Эльзасе, когда он был немецким, но теперь это Франция, видите, у меня французские документы», — пытается объяснить маленькая немолодая женщина, стоящая в очереди перед Лизой. «Тут я решаю, кто немец, а кто нет, мадам, — отвечает ей комиссар, дежурящий у входа в помещение. — Следующая». Лиза протягивает свои документы. Комиссар молча их изучает. «Ножи, ножницы есть?» — следует вопрос. Она вынимает из чемодана миниатюрные ножницы в красном кожаном футляре.

Их подарила ей мама, когда Лизе исполнилось пятнадцать лет, в надежде, что дочь пойдет по ее стопам и тоже станет модисткой. Комиссар передает конфискованный предмет охраннику, стоящему у него за спиной; тот хватается ножницы и торопливо делает пометку в бумагах. Лиза никогда не дорожила этими ножницами, просто пользовалась ими, вот и все. Но теперь, когда она увидела их среди множества различных предметов, сваленных в кучу, ей показалось, что ее лишили части прошлого.

За ее спиной закрываются тяжелые двери. Лиза переступает порог стального храма со стеклянным сводом, отражающим свет. Видно, что в помещении много дыма и пыли. Лиза, внезапно охваченная страхом, проходит вперед по изогнутой дорожке из пихтового дерева, которое под воздействием солнечных лучей насыщает воздух своим запахом. Вокруг возвышаются два яруса кирпичных трибун, и Лизе кажется, будто она на спектакле.

К ней подходит доктор, заглядывает ей в рот, просит покашлять. Отмечает в огромном списке: «Пригодна». Затем обращается к эльзаске, стоявшей перед Лизой: «Любой может заплатить за медицинскую справку о раке груди, мадам. При-

Слова благодарности

Спасибо Седрику Шевальму, первому моему читателю,

Жану-Лу Меноше, который познакомил меня с историей лагеря Гюрс,

Луизе Дану, издательнице, полной энтузиазма и любви к этой книге,

Анне Павлович, Жилю Аэри, Терезе Кремизи и всей команде издательства «Фламарион», благодаря которым эта книга вышла в свет,

Людовико Эйнауди и Яну Тьерсену, чья музыка на протяжении долгого времени помогала мне писать.

Благодарю моего дедушку Поля Дюкре (1925—2015), который объяснил мне смысл слова «сопротивляться».

Содержание

Приказ.	7
Часть I.	9
Часть II.	50
Часть III.	113
Часть IV.	159
Часть V.	186
Примечания автора.	235
Слова благодарности.	237

Літературно-художнє видання

ДЮКРЕ Діан
Забуті
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактори *О. В. Пунько, В. Ю. Степанов*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *А. В. Альошичева*

Підписано до друку 13.12.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 3000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПрАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

ДЮКРЕ Диан
Забывте
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редакторы *Е. В. Пунько, В. Ю. Степанов*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. В. Алешичева*

Подписано в печать 13.12.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 3000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ЧАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Єврейська дівчина Єва і німкеня Ліза не були знайомі, доки не стали в'язнями концтабору Гюрс, що був на території Франції. Жорстокість наглядячив, нелюдські умови життя — здавалося, все це покликане зломити дух в'язнів. Але життєрадісна Єва пропонує подругам створити кабаре. І ось в холодних стінах концтабору, що пахнуть смертю, лунає жива музика та дзвінки дівочі голоси, життя торжествує... Однак незабаром Ліза опиняється в списку на депортацію до Польщі. Прощаючись із Євою, вона залишає подрузі найцінніше, що в неї є, — своє немовля...

Дюкре Д.

Д95 Забытые : роман / Диан Дюкре ; пер. с фр. М. Абрамовой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 240 с.

ISBN 978-617-12-4467-2

ISBN 978-2-0814-0734-3 (фр.)

Єврейська дівчина Єва і німка Ліза не були знайомі, поки не стали узниками концлагеря Гюрс на території Франції. Жестокость надсмотрщиков, нечеловеческие условия жизни — казалось, все это должно сломить дух заключенных. Но неунывающая Ева предлагает подружкам создать кабаре. И вот в холодных, пахнущих смертью стенах концлагеря звучит живая музыка, поют звонкие девичьи голоса, жизнь торжествует... Однако вскоре Ли́за оказывается в списке на депортацию в Польшу. Расставаясь с Евой, она оставляет подружке самое ценное, что у нее есть, — своего младенца...

УДК 821.133.1